

Москвичи

Москва. Интеллигентный город. Я тут уже восемь месяцев живу. Здесь со мной в лифте здороваются незнакомые люди. Некоторые улыбаются. Это расхолаживает, настраивает на миролюбивый лад. Казалось бы — лысая башка, десять лет бокса, врожденная угрюмость, а поди же ты — хочется любви, мира во всем мире и других глупостей в том же духе. Я сам из Перми, а в Перми, чтоб вы знали, двадцать восемь колоний по краю разбросаны. Там угрюмость и готовность к драке в каждой черте лица не прихоть, а мимикрия, необходимость, ключ к некоторому выживанию. И нож еще. И чтоб походочка развязная, как бы намекающая на несерьезное отношение к своей и чужой жизни. Конечно, не вся Пермь такая. В основном Закамск, Гайва, Кислотки, Мотовилиха, Левшино, Голованово, ПДК, Юбилейный, Вышка и Крохаля. Но это в основном.

Поэтому Москве я был очень благодарен до вчерашнего дня, что она меня оттаяла. Очень я полюбил москвичей, этих чутких людей. Вот ведь, думаю, если б все россияне стали москвичами, как было бы славно. Может,

и не Китеж-град, а может, и Китеж. Музеи, опять же. Общая такая обходительность. И в лифтах даже не ссут.

А вчера сижу на лавке у подъезда и курю. И пиво еще пью немножко, но из пакета, с пониманием. Сижу такой, на душе поэзия. Москвичи, думаю, москвичи мои дорогие! Тут к подъезду двое идут: мужчина одутловатый и гармоничная ему женщина. Я заулыбался, конечно, расплылся весь и говорю:

— Здрасьте!

А женщина мне в ответ:

— Забор покрасьте!

А мужчина присовокупил:

— Хули расселся? Родина в опасности! Почему не на войне?

Я офонарел, лепечу бессвязное, а женщина дверь в подъезд открыла и говорит:

— Щас ментов вызовем, быстро тебя спеленают! Под Херсон поедешь.

А мужчина ее даже крикнул, так ему эта идея понравилась.

Короче, зашли они в подъезд, и я зашел. Хотел пристыдить их, мол, вы же москвичи, как же вы, суки, такое из себя извлекаете? Мужчина с кулаками полез. Лег у лифта. Женщина возле него на корточки присела. Страх, дело такое... А я на них смотрю и спрашиваю:

— Что с вами? Как вы такое... Вы же москвичи!

А женщина такая:

— Не москвичи мы, мы из Челябинска.
Пидр!

Понимаете? Камень просто с души.
Не москвичи они. Нормально все. Правильно.
Вернулся на лавку. Поэзия снова, птички.
Из Челябинска, надо же. Понаедет сволочь вся-
кая, пиво на лавке не дадут попить.

Притча о человеке, который прочитал Библию

Малышом он был буйным. Однажды даже выпрыгнул из коляски, когда мама зазевалась. Есть такое выражение: «Ты, главное, ходи, голова потом дойдет». Обычно его применяют в контексте визитов на группы анонимных алкоголиков, но и к детству его тоже можно применить, потому что голова совершенно не успевает за телом. Естественно, когда он подросток, его голове, то есть ему, захотелось освоить свое тело. Он бегал, прыгал, лазал по деревьям и дрочил. Еще он поднимал тяжести, чтобы видеть и чувствовать, как плоть его приобретает гераклические очертания. Надо сказать, плоть такие очертания приобрела. Он стал этакой мечтой пожилого гея-античника. Невероятно пропорциональный, с длинными руками и ногами, обвитыми эластичными мышцами под оливковой пермской кожей. Однажды он задался вопросом: «Зачем мне такое тело? Как его применить? Ну, красив я, и что?

Что дальше-то?» Вопросы, согласитесь, не праздные. Просто жить в теле — как-то глупо, когда оно сложилось таким образом без особых усилий. Разумеется, он подался в спорт. Играл в футбол, облачившись в майку, рекламирующую минеральные удобрения из аммиака и карбамида. Потом майка стала красно-белой, но так ли это важно, ведь что такое, в сущности, футбол? Футбол — это попытка одиннадцати тренированных тел наладить взаимодействие между собой при помощи тренера и мозга. Именно поэтому футбол его разочаровал. Ему все время казалось, что вокруг одни идиоты, и казалось правильно, а он один умный, что тоже соответствовало действительности.

Выиграв чемпионат России и Кубок УЕФА, в двадцать два года он оставил спорт. «Тлен, какой же это тлен!» — твердил он, сидя в своей квартире на Патриарших прудах. Ни вереница юных любовников и любовниц, ни полное собрание сочинений Федора Михайловича Достоевского, купленное у знакомого антиквара, ни чистый колумбийский кокс не смогли помочь ему обрести смысл существования. Он страдал, и маялся, и в помрачении решил даже, что смысл не в теле, а в разуме и в загадочных явлениях под названием «душа» и «дух». Будучи человеком последовательным, он сосредоточился на разуме, отложив душу и дух на десерт, точнее — на диплом.

Через пять лет он окончил с отличием философский факультет МГУ, походя зачитал Библию

до дыр, надел пудовые вериги и два раза обошел Русь, после чего прожил год на Соловках. Многие истинки открылись ему там. Понял он благость молчания и что усы от монастырского кваса надо омыывать, иначе наутро не расчесешь, слипнутся. Узнал он, что Царство Божие силой берется и применяющий усилие восхищает Его. И что благодатью мы спасены через веру, и сие не от нас, а Божий дар, чтобы никто не хвалился, даже Феофан, пусть он и постился на воде сорок дней кряду. Особо же пронзили его слова апостола Павла, который велит подражать ему, как он сам Христу, а еще говорит, что для всех он сделался всем, чтобы спасти хотя бы некоторых. Ему этого очень захотелось — спасти людей от геенны огненной, от ада и всякого такого. Служить людям, но не потакать их подлой натуре, а служить через Бога. Служить Богу, служа людям, и обратно, вот так. Бога он понимал как отца любящего. Он даже про духовный возраст знал, и что закон — это детоводитель ко Христу, и что не сразу благодать, а сначала под закон надо встать, который научает тому, что такое хорошо и что такое плохо, и вот когда это научение в крови растворится и случится рождение свыше — рождение от Святого Духа, как с апостолами было в день Пятидесятницы или Троицы, тогда уже благодать и любовь к людям сойдут. Как вы понимаете, все эти истинки и идейки страшно его распирали. Чтобы они не поворотились вспять и не пожрали его,

как свиньи, он оставил Соловки и пошел в мир, дабы светить всем людям, как светит город на вершине горы, потому что, зажегши свечу, не ставят ее под кровать, а ставят повыше, иначе как-то глупо.

Вернувшись в Москву, он поступил в духовную семинарию, откуда вскоре был изгнан за ересь и вольнодумство, так и не уловив, где между ними пролегает черта, начертанная православным катехизисом. И вот, сидя в двухуровневой глупой квартире на Патриарших, он решил пойти в народ и в одиночку спасать души, минуя все религиозные организации и кружки. Для этого он разместил в интернете объявление: «Проповедь Евангелия. Каждую среду, пятницу и воскресенье в 19:00 у памятника Крылову на Патриарших прудах». Немного подумав, он сообразовался с духом времени и приписал: «Вход свободный».

В первую среду не пришел никто. В пятницу старушка покормила рядом голубей. В воскресенье явились двое из ФСБ, записали имя-фамилию, посмотрели паспорт с пропиской и загадочно ушли. В понедельник он позвонил в рекламное агентство и заказал десять растяжек по всей Москве. На растяжках красовались текст из вышеизложенного объявления и его имя, как оказалось, народом отнюдь не позабытое. В следующую богоспасительную среду у памятника Крылову было не протолкнуться. В основном там собрались люди в красно-белых шарфах,

но пришли и обычные зеваки, а также люди с селфи-палками из инстаграма*. Он готовил проповедь и хотел говорить о двух заповедях — возлюби Господа своего и ближнего своего, как самого себя, — но говорить не как о двух заповедях, а как о трех заповедях, потому как невозможно полюбить ближнего своего, как самого себя, предварительно не полюбив себя. Разумеется, в истинно христианском ключе. Цимес проповеди был даже не в тройственности заповеди, а в самом понимании любви в христианском ключе, то бишь любви как ненависти к греху без ненависти к человеку, и воспитании своих чувств, дабы они «навыком были приучены к различению добра и зла», как о том пишут апостолы, и, конечно, в приобретении особой духовной оптики, когда ты видишь в себе и скверну, и образ с подобием Божиим, умея не кормить скверну, но кормить образ, тем самым одолевая тьму. Так много он сказать не успел, а что успел, люди записали на видео и выложили на ютуб с подписью: «Бородач жжжот!!!» Красно-белые учению тоже не вняли, затянув малоинформативное «оле-оле». Раздав тьму автографов и запилив кучу селфачей, он ушел домой и заплакал.

Вечером ему позвонила мама, сказала, что он совсем сбрендил, попросила выслать денег и пригласила домой, в Пермь. Этот короткий

* Деятельность Meta Platforms inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская. — *Прим. ред.*

разговор помог ему собраться. Господь вознес его вбок от реальности и как бы показал всё со стороны. В ту же секунду он узрел мажора-футболиста, повернувшегося на религии и вздумавшего спасти людей от геенны. Это было неправильно. Он наговорил себе много обидных слов. Например, он сказал: «Легко ходить по Руси в веригах, зная, что у тебя есть квартира на Патриарших и огромный счет в банке. А ты попробуй ходить по Руси в веригах, когда у тебя нет квартиры на Патриарших и огромного счета в банке». Тут в квартире на Патриарших раздался шепот Святого Духа. Шепот Святого Духа сказал: «Для всех я стал всем, чтобы спасти некоторых. Мало все раздать, надо опуститься на самое дно народной жизни, в посконную мглу, чтобы там светить. А тут кому светить? Тут все на кокаине». Сказано — сделано. Буквально в три недели он продал квартиру и уехал в Пермь. В Перми, ведомый Святым Духом, он поставил стол возле памятника героям фронта и тыла, что на эспланаде, сел за него и трое суток погашал пермякам ипотеки и другие кредиты, предварительно уведомив их об этом по радио и телевидению. Идею эту он подсмотрел в мультимедии «Южный Парк», который, по его мнению, должен смотреть всякий христианин, не боящийся ядовитой, умной и искусной критики мирян. Он не боялся.

Распрощавшись с богатством и не оставив себе ни копейки, он вернулся в родительскую

хрущевку и пошел работать на завод. На заводе он доставал из железных форм бетонные плиты и проповедовал Евангелие, но не в лоб, а секретно, тихой сапой, как учили апостолы, эти первые идеологические подпольщики. Через год на заводе образовалась домашняя группа христиан. Все члены группы неофитили по полной, обольщая людей во спасение словом Божиим. Когда группа разрослась, он разделил ее на две, поставив во главе второй Петра. Не подумайте только, что кто-то взял псевдоним или переименовался, просто так сложилось. Потом обе группы снова выросли и разделились пополам. И снова. И опять. Началась то ли геометрическая, то ли арифметическая прогрессия. Параллельно группам в Пермском крае появились реабилитационные центры для наркоманов, алкоголиков, игроманов и бомжей. Через три года церковь с незатейливым названием «Логос» насчитывала уже порядка пятидесяти тысяч братьев и сестер, рассыпанных солью по всей России. Естественно, с самого первого дня, с маленькой заводской группы, осуществлялся сбор десятины, однако пожертвования эти были добровольными, что подкупало многих свобододолюбивых людей. Давали, как вы понимаете, охотно. Когда столько пропил и проколол, на десятине ли жопиться? В итоге казна быстро отяжелела, и совет епископов — вчерашних формовщиков — постановил купить ДК им. Багратиона. Покупались также и деревенские дома,

в которых устраивались ребцентры. В свою очередь, не сачковал и он, как не сачковали Отец, Сын и Святой Дух. Избавившись от кокаиновой зависимости по дороге на Соловки, он теперь помогал другим обрести известную свободу. Более того, он разработал целое учение, сутью которого стали слова Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю вам, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Главная задача любого ребцентра — провести человека через закон к покаянию и рождению свыше, то бишь преображению души под действием Святого Духа и благодати. А еще он мог помолиться с возложением рук и исцелить от любой болезни, но это ладно.

Через пять лет приходы церкви «Логос» появились в Москве и Петербурге. В то же время совет епископов постановил назначить пастору зарплату в полмиллиона рублей и купить ему квартиру в Москве, иначе не солидно. Он отказался, настоял работать на заводе и дальше, ибо да светит свет ваш во тьме. Скажу больше, при церкви появились различные бизнесы и фирмы, созданные бывшими зэками, алкоголиками и наркоманами, вдруг открывшими в себе предпринимательские жилки. Новоявленные бизнесмены, многие из которых уже ворочали миллионами, не зазнались и десятину платили исправно, прилежно памятуя о том, кто дал им старт и откуда они вообще вышли. Кроме этого, церковь отправляла за свой счет талантливых

братьев и сестер учиться разным наукам. Цитата: «Для всех я стал всем, чтобы спасти хотя бы некоторых» — стала девизом библейской школы, а потом и миссионерской академии, чьи выпускники разъехались по всему свету, чтобы спасать людей от геенны огненной. Спустя двенадцать лет с основания «Логоса» он встретил школьную подругу и впервые в жизни подумал о женитьбе. Этому воспротивились епископы. По выражению одного из них, он был брендом, святым, а жена все испортит. Но тут у другого епископа родилась идея — чтобы лучше проповедовать Евангелие, надо прийти к власти на государственном уровне, то есть создать политическую христианскую партию, лидером которой, разумеется, будет он, и вот в такой ипостаси брак будет очень даже на руку. Ему эта идея не понравилась. Словосочетание «политическая христианская партия» он счел оксюмором, происками духа мира сего, служением мамоне, искусом и ложью. Здесь епископы поднажали и уговорили его посмотреть, как живет самая что ни на есть провинция и деревня при нынешней власти, как изнемогают люди, и, если и после этого он откажется, значит, быть по сему. Через три дня из Перми вырвались три черных двухсотых «ленд-круизера» и понеслись в сторону Чердыни. Разное увидел он в той антипотемкинской поездке. Видел он беременную ныробскую девушку, живущую в гнилом бараке и затыкающую дырку в стене бутылкой с кипятком, а барак

этот власти признали не аварийным. Говорил с бабой, у которой мужа пять часов везли в больницу на волокушах из деревни, куда скорая проехать не смогла, потому что власти дорогу не почистили, а муж в больнице помер. Видел он и мать, у которой сына за участие в митинге посадили, и ребеночка, которому всем миром деньги на операцию собирают. Ходил он между этих людей, мимо барачных черных и удивлялся, как он этого не заметил, пока по Руси в веригах бродил. А потом понял — Бога он искал, внутрь себя смотрел, ибо сказано — Царствие Божие внутри нас, а теперь, знать, срок пришел, вот бельма и открылись.

Из поездки братья возвращались автобусом, потому как «ленд-круизеры» он барачным людям подарил, чтобы они их продали и дома себе отстроили. И денег на операцию он велел дать, и адвокатов нанять, и дорогу до деревни почистить.

Вернувшись в Пермь, взял он недельный пост и удалился в Кунгурскую пещеру для молитвы и предрозыслений. Думал он о словах апостола Павла, где сказано, что всякая власть от Бога, и об историческом контексте этих слов, ибо опасался Павел, что увлекутся молодые христиане борьбою с Римом и сгинет под мечами легионов великое учение Христа. «Но сгинет ли, если увлекусь я? Наверняка ведь не сгинет. Почему же чуждается обман? Ладно. Отчего на Руси жития нет? Оттого, что воруют

да мзду берут. А если я христиан чиновниками сделаю? Всех буквально, до одного. По тому же принципу, как с группами домашними. Станут ли они красть? Будут ли мзду брать? Устоят или поддадутся? А если, предположим, больше власти регионам дать? Осуществить децентрализацию? Правда ведь — нельзя так жить, околдовал государя Кесарь, опроверг в прелесть. А меня не опровергнет? Сказано: вы странники и пришельцы на земле, ваше отечество — Царствие Небесное. Сказано. А как до него дотянуться, когда свиньей бесшейной живешь, небеса не видишь?»

Все семь дней ходил он по пещере, стenal, молился и попинывал сталактиты, а на восьмой день вышел из пещеры и зарегистрировал «Христианскую партию России» безо всяких проблем, потому что наверху почти все уже симпатизировали «Логосу» и только ждали, когда власть передать, чтобы без люстраций и фигни. Вскоре встал вопрос о выдвижении в президенты и женитьбе. Он обрадовался и хотел уже позвонить той однокласснице, но епископы не дали, ибо выяснилось, что она разведенка. Он восстал на них, конечно, сказал, что это неважно, что любовь побеждает все, а ему сказали, что православные и баптисты не проголосуют, а это плохо. Что надо не из мира жену искать, а из церкви, и привели на смотрины трех гладкокожих дев восемнадцатилетних. Ради народа же, сказали епископы, чтобы Ныробов в России не было,

да и вообще. Поддался он на уговоры. Велика была в нем любовь к народу. Женился смиренно, на ком и не упомяну, и пошел на выборы. Выборы прошли лихо, в один тур. Девяносто процентов россиян отдали ему свои голоса. И вот въехал он в Кремль с красавицей-женой и всеми епископами. Навалилось, конечно, сразу отовсюду. И Крым, и Сирия, и Донбасс, и Луганск, и тюрьмы, и Тува с Забайкальем, и ФСБ, и СКР, и Минобороны, и Конституция, и РПЦ, и та башня, и эта башня, и всё-всё-всё! Однако он справился. Где рукой твердой, где советом мудрым, где постом да молитвою, но удалось ему Русь реформировать и наладить народную жизнь. Не подвели его чиновники-христиане, не подвел верный епископат. Понаставили ему памятников, побольше даже, чем Лютеру, Ататюрку и Ли Куан Ю, вместе взятым. Правда, все они были без лица, ибо он так распорядился. Нет, не всё, конечно, шло гладко, случались и покушения — 217 штук, но всё как-то мимо.

Тридцать три года правил он страной, и страна процветала, а через тридцать три года разбудил его ночью шепот Святого Духа и говорит: «Нельзя же гражданское общество сверху строить, ты чего? Идолов еще понатыкал. Ну и что, что без лица? Без лица даже страшнее. Все, пора домой. Задержался ты. Отец сказал».

В ту же ночь, в возрасте семидесяти трех лет, скончался он в своей постели от кровоизлияния

в мозг. Скончавшись, он, конечно, не умер, а попал на небо, в предбанник рая, где его встретил мужчина с эспаньолкой и в синем берете. Он удивился, узнав в мужчине Бердяева. Тот отводил глаза. Он спросил Бердяева: «Почему вы, Николай Александрович? Почему не апостол Петр?» Бердяев отвел глаза чуть ли не за висок и ответил: «Петр не захотел. Понимаешь... Тебе не сюда». Бердяев снял берет и вытер лицо. Его мутило. Последовал ответ: «Я знаю. Мне в геенну. Навсегда». Бердяев застыл: «Нет. Тебе по новой ветке. Или по старой. Ты хотя бы понимаешь — за что?» Он усмехнулся. «Все тридцать три года, что я правил, я был несчастен. Может ли худое дерево приносить добрые плоды? Стоило мне жениться на той однокласснице. А так — я согрешил против любви к человеку, полюбив коллективную реальность, миф». Бердяев прошептал: «Если б ты этого не знал...» Он был тверд: «В том-то все и дело — я знал. А с понимающего двойной спрос». И спрос был двойным, и ад стал реальным, но, Господи, кому какое дело, когда в Ныробе, плечом к плечу, вместо гнилых бараков стоят крепкие особняки.

Он очнулся на земле в теле льва. Вокруг оплывала жаром саванна. «Ад — это Африка?» — с изумлением подумал он. Неподалеку пасся ягненок. И хотя он очнулся львом, какие-то мгновения его ум был умом глубоко человеческим. В голове пронеслось: «И возляжет лев с ягненком, и наступит Царствие Божие на земле». Он вдруг

с беспредельной ясностью понял, что стоит ему подойти к ягненку и возлечь с ним, как перво-родный грех падет, падут оковы, а вместе с ними и все страдания, вся неправда и весь ужас земной жизни. Он кинулся к ягненку со всех лап. Так марафонец рвется к финишу. Так бегут к оазису, смешав в душе безумие с надеждой. Так бросаются грудью на дзот. На пятом длинном прыжке, прямо в воздухе, его человеческое сознание угасло. Голодный лев, каких много бродит по саванне, пал на ягненка и пожрал его. Наевшись, лев улегся отдыхать, чтобы вскоре проголодаться и снова выйти на охоту, чтобы были силы покрыть самок и родить львят, которые, в свой черед, тоже пойдут на охоту и покроют своих самок, и таким будет мир, пока не погаснет солнце.

На самом деле, я не знаю, куда он попал. Умер просто в семьдесят три года, и все. А про Бердяева я вам откровенно навернул. А Россия, действительно, хорошо живет. До молочных рек и кисельных берегов далеко, конечно, но пьют меньше и воруют незначительно. Аллилуйя и аминь.